

Годы, когда начинался Худ. театр, были годами социальных катастроф, надвигавшейся социальной бури; под влиянием сложных хозяйственных процессов нарастали общественные сдвиги в мастерских, на фабриках и заводах, подымались волны стачечного движения и перекидывались в стены университета, в эти годы передовая студенческая молодежь близко соприкасалась с организованными революционными массами.

Когда припоминаешь некоторые хронологические даты, видишь, что то были годы буреветника, кануна революции. Ходила по рукам книга Бельтова „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ (1895 г.). Вышла брошюра Ленина „Что такое дружба народа?“ (1894). Вышла книга „Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России“ Струве (1894). В эти годы по всей России ходили зелененькие книжки „Знания“, и голубая рубашка книжек „Мира Божьего“ заставляла трепетать юные сердца. Организовывались социал-демократические журналы „Начало“ и „Жизнь“. Это были годы, когда за несколько лет до рождения Худ. театра у Максима Горького прозвучала „Песнь о соколе“, был написан „Челкаш“, был напечатан рассказ Вересаева „Поветрие“,—словом это были годы величайшего торжества той новой социальной темы, которая говорила о социальных толчках в городах, о социальных кризисах страны. Поэтому, в новой городской массе, в городской интеллигенции были сильно развиты настроения жажды перестроить современный общественный порядок, потому-то эта городская масса, кто бы ни входил в ее состав—либеральная интеллигенция или интеллигенция радикально-социалистически настроенная,—гремела, шумела, желая разрушить старый порядок до основания. Кто мечтал о конституции, кто мечтал о республике, но во всяком случае одно было желание, желание обязательное, принудительно-властное—перестроить все. В эти годы общественного возбуждения и зарождался Худ. театр. Массы разночинной интеллигенции, оппозиционной, революционной движутся, они толкают в определенном направлении и вы видите, что основатели Худ. театра ставят своей задачей, чтобы „небогатый класс людей, в особенности класс бедной интеллигенции мог иметь за небольшую цену удобные места в театре“. Это была определенная установка на демократические массы, демократическую интеллигенцию. Вот почему в первые годы этот театр носил название Общедоступно-Художественного театра. Этот принцип демократизации театра был слит органически с демократизацией тогдашней общественной жизни.

И дальше, когда припоминаешь голоса современников той эпохи, кого они видели в зрительном зале, они в один голос отмечают, что „это была часть обычной публики, той, что, после дня труда или трудового безделья, рассыпается каждый вечер по театрам для отдыха, для веселья, для необходимых художественных эмоций, ординарная серая толпа, составляющая самое ядро жизни“.

Эта ординарная серая толпа, приходившая в театр после дня труда, и была по преимуществу разночинная демократическая интеллигенция.

В одном из органов прессы говорилось, что „у Худ. театра есть своя определенная публика, которая вынесла Худ. театр на своих руках, создала его славу. Публика Худ. театра это—передовая прогрессивная партия“.

В одной иронически написанной статье „Письма к тетеньке“ („Новости дня“ 1903) так характеризовалась публика московских театров:

„У нас в Москве надо вам сказать, тетенька, в каждом театре своя публика. У Корша, к примеру, больше сидят брюнеты с прямыми проборами, усы завитые, перстни на пальцах, в Малом—зритель больше лысый, а в Художественном—больше всего попадаетея интеллигентный блондин“.

Вот эта публика сразу и встала на защиту Худ. театра, определила тематику репертуара и создала особый тип зрителя.

Необходимо сказать, что еще Худ. театр не раскрывал дверей, а уже по Москве пошли разнообразные толки; в „Новостях“ от 22 сентября 1898 г. читаем:

„Ни одно театральное предприятие не вызывало столько толков, горячих споров, суждений вкривь и вкось, как новый театр Станиславского и Немировича-Данченко. Новизна дела, новизна приемов. оригинальность организации—все это уже теперь нашло горячих поклонников и, как всегда, пессимистически настроенных скептиков. Театральные предприниматели, актеры, режиссеры, литераторы обсуждают степень серьезности предприятия, его шансы на успех, его значение“.

Эти заметки внушаются определенным типом зрителей, которые потом будут говорить, что для разночинной интеллигенции приходится уничтожить личность актера, что в Худ. театре актер сведен к нулю, что лучше смотреть блестящие спектакли Мал. театра, а тут путного не выйдет и т. д., и т. д. По Москве начинает ходить статейка в стихах: „Знай наших“:

„Самоновейший театр живых марионеток, состоящий под особым покровительством московских джентельменов.

Абсолютная темнота, справа свистит буря, слева соловей. Пауза 5 1/2 м
Станиславский (из „Демона“).

Я тот, которому ни мало
Себя стеснять охоты нет,
И раз мне в душу блажь запала,
Ценой презренного металла
Спешу ее пустить я в свет.
Я тот, что роль за ролью губит,
Но от себя в восторге сам,